

СКАЗКА: ОТ ВОЛШЕБНОЙ К РЕАЛЬНОЙ

Н. А. Цыбульская

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, tsybulskaya@bsu.by*

Объектом исследования является современная французская художественная сказка. Данное исследование вписывается в парадигму реального функционирования языка, которое в большей степени обусловлено субъектно-оценочным восприятием действительности. В теоретическом плане особое значение имеет сбор и проверка тех сведений, которые давали бы обоснование и развитие традиционным теоретическим положениям, не вступая в противоречие с их содержанием. В первой части статьи описаны основные характеристики традиционной сказки. Во второй, практической, раскрываются причины появления новой разновидности художественной сказки, определяются ее функции, влияние субъективного фактора на языковые построения, место авторских неологизмов в системе национального языка.

Ключевые слова: литературный жанр; функции сказки; контекст; диалогическая и монологическая речь; паремии; экспрессивная лексика разговорного употребления.

TALE: FROM MAGIC TO REAL

N. A. Tsybulskaya

*Belarusian State University,
K. Marx str., 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus, tsybulskaya@bsu.by*

The object of the study is a modern French fairy tale. This study fits into the paradigm of the real functioning of the language, which is largely due to the subject-evaluative perception of reality. In theoretical terms, it is of particular importance to collect and verify the information that would not only contradict traditional regulations, but would also give the latter further justification and development. The first part of the article describes the main characteristics of the traditional fairy tale. In the second, practical one, the reasons for the emergence of a new kind of artistic fairy tale have been provided, along with its functions, the influence of the subjective factor on language constructions, and the place of author's neologisms in the system of a national language have been clarified.

Key words: literary genre; fairy tale functions; context; dialogic and monologic speech; paroemias; expressive vocabulary of colloquial use.

Сложилось убеждение, что сказка адресована детям, потому что волшебный мир, представленный в сказке, не имеет ничего общего с реальностью и взрослых она не интересует.

Действительно, сказка – это прежде всего произведение народное в виде небольшого вымышленного рассказа, сюжет которого разворачивается вокруг одного основного события с участием минимального количества персонажей, жизнь которых протекает между добром и злом, справедливостью и несправедливостью. В этом

противостоянии добро и справедливость торжествуют. Передавались эти рассказы из уст в уста от одного поколения другому.

Во Франции сказки обретают популярность благодаря салонам *Marie-Catherine d'Aulnoy*, которая является одним из авторов французских традиционных сказок. В 1691 году выходит сборник ее сказок «*Contes de fées*» – «Волшебные сказки». Повышенный интерес писателей к народным сказкам проявляется после публикаций сборника сказок Шарля Перро в 1697 году «*Histoires ou Contes du temps passé avec Moralités*» – «Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями». Сюжеты сказок заимствованы из рыцарских романов, устных народных традиций. Учитывая вкусы аристократии, Ш. Перро переделывает сказки для взрослых таким образом, чтобы они были интересны также для молодежи.

В XVIII веке идея о ребенке как о полноценной личности дает толчок развитию специальной литературы для детей и молодежи. И уже в 1814 году братья Гримм публикуют для детей сказки, принадлежащие устной немецкой традиции, которые в 1836 году будут переведены на французский язык под названием «*Contes de l'enfance et du foyer*» – «Сказки из детства и дома».

Следует отметить, что сказка в каждой культуре, у каждой нации имеет свою специфику, связанную не только с фольклорными корнями, но также и с социально-политической ситуацией. И таким примером служит известная сказка-притча Антуана де Сент-Экзюпери «*Le petit prince*» – «Маленький принц». Несмотря на философскую проблематику данного произведения, его называют сказкой, так как в нем присутствуют сказочные персонажи, совершающие приключения: Лис, Змея, Роза. Являясь романтиком, автор обращается к фольклорным традициям, с помощью которых рассказывает о злободневных проблемах человечества.

На протяжении многих лет сказка как литературный жанр интересует также исследователей. Сказки изучаются, классифицируются с культурно-исторических позиций (В. Ф. Миллер, А. Н. Афанасьев, А. М. Смирнов, В. Я. Пропп, С. Е. Никитина, С. Б. Адоньева). Структуралистский подход к изучению сказок стал серьезным этапом и переломным моментом в исследовании данного жанра. Изучаются функции действующих лиц сказки, их структура и семантика (В. Я. Пропп).

Сказка – «рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» [1, с. 24]. Сказка существует в двух разновидностях: народная (устная) и художественная (письменная).

Ситуации, описанные в сказках, соотносятся с жизненными сферами: семья, дом, быт, отношения между людьми, людьми и животными (последние живут по законам человеческого бытия). Кульминационный момент связан с чудом, торжеством добра над злом. Заглавия, являясь связующим звеном между общим смыслом текста и оценочностью, определяют способ повествования – волшебное или бытовое.

Французская классическая сказка – волшебная. Зачин практически всегда один и тот же: *Il était une fois...*, *Jadis, quelque part, il y avait une fois....*, *Autrefois, vécut...*, *Il était un jour...* – ‘Жил-был’.

Общим для всех классических сказок является универсум, который не определен ни временем, ни местом. Он магический, так как здесь может произойти все что угодно. Структура сказок и особый язык – конструктор субъективной модели мира. Поскольку сказки указывали человеку путь к добру и красоте, они приобрели общечеловеческий характер.

Со временем социально-экономические, нравственные, общественно-политические изменения в обществе и особенно его информатизация побуждают писателей создавать новые художественные формы и образы. На сегодняшний день большой популярностью пользуются реальные, если можно так сказать, сказки для детей и взрослых.

Представителем новой волны авторов-сказочников является Мишель Пиа-Бонне / Michèle Piat-Bonnet. Превращая средствами языка реальный мир в сказку, автор-сказочник стремится познакомить детей с окружающим миром, традициями и историей Франции («*Laissez parler les Occupés 1940–1945*») и других стран, которые он посетил («*Les matriochkas*», «*Dojinki*», «*Le président et le sapin*», «*Le bouleau*», «*La baie secrète*»), привить своим юным читателям эстетические, нравственные нормы поведения. В отличие от традиционной сказки, в реальной сказке кульминация не связана с совершением чуда, которое в финальной части приводит к торжеству добра над злом. В реальном мире нет чудес. Автор знакомит детей с реальной действительностью через призму своего социального и профессионального опыта.

Реальные сказки обладают полифункциональностью. Они выполняют несколько функций: эстетическую («*Musique, harmonie, magie*»), историческую («*Un enfant préhistorique*»), нравственную («*Le lutin et Jean*»), воспитательную («*Les G. J. S.*»).

Отличительной чертой реальных сказок является синтез стилей: художественный – *Il était une fois, dans un pays lointain, un homme nommé Göksel, qui rêvait de faire fortune* [2, p. 50]; *À peine avait-il fait quelques enjambées qu’il monta sur un chariot tiré par un attelage* [3, p. 91]; публицистический – *Il en avait maintes fois fait la demande dans son royaume*

[2, p. 5]; *Je vous demande une faveur; veuillez emporter chacun de ces jeunes et grands nourissons, par petit groupe* [2, p. 25]; разговорный – *Prends cela comme un bonheur! – Pas question. Enfin ou hélas, l'heure des noces arriva* [2, p. 71]; *On t'avait dit, quoi?* [4, p. 16].

Герои сказок М. Пиа-Бонне – люди, которые живут рядом с нами: *Rose, Dominique, Luce, Hôtesse, monsieur le Maire, le garde forestier, le Père Noël, le médecin, les membres de la philharmonie*, а также, как полагается сказке, говорящие животные: *léchy, l'autruche, le gorille*. В сказке отсутствует дескрипция их характера, зато герои привлекают внимание внешним видом, мимикой. Яркие аксессуары запомнятся детям: *...il vit une dame des plus ravissantes ...Très élégamment vêtue, parée de bijoux sertis de perles fines, de minuscules coquillages, turritelles ou porcelaine, canne d'ambres, ongles de corail...* [4, p. 36]. Содержание сказок сопровождается фотографиями, рисунками не только для того, чтобы дети смогли узнать своих близких людей, знакомые места, но и чтобы показать, что мир, описанный автором, реален.

Сферы деятельности героев сказок – те стороны жизни, которые волнуют всегда и находят отклик у всех: дом, семья, школа. Герои живут обычной жизнью. Они ходят в школу, посещают мастер-классы, поют национальный гимн, организуют спортивные игры, ходят в музей с родителями, танцуют польку, мазурку, поют в сопровождении национальных инструментов (*le tambour de basque, le violon de tsigane, l'harmonica*): *...j'étais dans la classe du Certificat d'Études Primaires* [3, p. 93], *... je commençais à étudier le solfège* [3, p. 75]; *Il était une fois un enfant préhistorique qui voulait écouter ...une partita de Bach, un lied de Schubert, la IX symphonie de Beethoven ...* [3, p. 92]; *Il était une fois, un beau pays Hellade, qui avait, sur une de ses presque îles, organisé des G. J. S. ou «Grands Jeux Sportifs» et invité tous les hommes sportifs à y participer* [2, p. 63].

Они не просто молоды, а имеют конкретный возраст: *Un roi épris de perfection, voulut grandir sa fille... Oeuvre d'art, elle était en naissant, oeuvre d'art, elle serait à vingt ans!* [2, p. 19].

Реальный мир в миниатюре, представленный в образах персонажей, в их отношениях с другими людьми, с природой, предстает в виде события. Автор не оставляет детей со своими героями, он присутствует в событии, чтобы передать детям ценностные представления о человеке, о нормах поведения, нравственности: *Elle (la princesse) avait compris, qu'éduquer des enfants n'est pas aisé et que sans art, elle aurait été en danger* [2, p. 11]; *Il faut savoir que dans ce pays, les générations cohabitent. Les épouses prenaient soin des personnes âgées...* [2, p. 63]. Наставления, советы, социальные и

индивидуальные оценки писателя-сказочника адресованы и детям, и родителям: *Un bon maître doit donner un bon exemple...* [3, p. 87]; *De faux-cils! À quoi bon? On est comme on est né* [2, p. 43]; *...chaque petit garçon s'est reconnu car un enfant reste un enfant, ici, là, ailleurs, là-bas, depuis toujours et pour longtemps...* [2, p. 47]; *Lorsqu'on est menteur, on soupçonne quiconque de l'être aussi...* [2, p. 41]; *Il (le Père Noël) se rappela les sages recommandations qu'il donnait pour protéger les mers et les poissons: "Ne pas pêcher les poissons exotiques par milliers, Ne pas massacrer les bébés phoques" ...* [4, p. 36]; *Un vieux c'est comme un pain bien cuit; ça croustille, ça nourrit son homme avec tout son savoir. J'adore leur compagnie* [3, p. 35]; *L'âge mûr pour qui que ce soit, ou au quoique ce soit, a quelque chose de beau!* [2, p. 73].

Финальная часть сказки включает авторскую формулировку: *Maître d'école! Je crois que c'est un métier d'avenir!* [2, p. 85]. Она может отсутствовать, если автор высказал свое мнение в тексте: *Malheureusement, le pays non sécurisé, fut dévalisé!* [2, p. 63].

Доминантными элементами, раскрывающими сюжет сказки, субъективное представление автора о событиях реального мира являются лексические единицы. Небольшое количество прилагательных свидетельствует о том, что автор не хочет увести читателя в мир загадочный, волшебный и прекрасный. В очередной раз акцент делается на сказке реальной.

Некоторые языковые единицы в сказках М. Пиа-Бонне маркируются разъяснительной пометкой, так как имеют локальное употребление. Например, *coeurier* (сорт вишни): *mot local (Nivernais) pour désigner certains cerisiers* [3, p. 60]. Иногда авторские ремарки могут быть развернутыми, подробными, и тогда их роль не ограничивается описанием, а дополняется фотографией, рисунком. Главное – это показать присутствие автора.

Многочисленные реалии, касающиеся быта, традиций, обычаев, призваны познакомить читателей с национальными особенностями быта людей, историей разных народов: *léchy, les troubadours, les samovars, les kilims brodés, les barbounias, les gombons, les papouasses, le pita, l'accordéon, Baudouin, les pachas, les tsars, les sultans*. Нейтральная лексика (например, *le zveroboï, le bortsch, babouchka, Tchebourachka*) приобретает национально окрашенный колорит, потому что референт обозначаемого предмета соотносится с культурой конкретной страны. Хотя во французском языке существует аналоги (*les riabinas = le sorbier, boulba = la pomme de terre*), автор использует эти реалии, чтобы познакомить детей с культурой других народов и насладиться иностранной речью. Вместо

интерпретации *les baies de kalinka* (французский аналог – *un obier*) автор использует звучание уже знакомого названия песни «Калинка».

Экспрессивная лексика разговорного употребления: *jeunet* – ‘молоденький’, *pleurnichard* – ‘плакса’, *pleurnicher* – ‘хныкать’. Эти слова не относятся к общеупотребительному лексическому фонду, они помечены в словаре *fam.* Они используются при непринужденном взаимодействии в повседневной ситуации. Языковая значимость этой лексики обусловлена семантической особенностью компонента «интенсивность» (*bien, d’une manière affectée*), который приобретает коннотативное содержание (отклонение от нормы по сравнению с одноименными лексемами *jeune, pleurer*, которое соотносится с оценкой говорящего). Формальными показателями качественно-количественного представления признака являются суффиксы *–et, –ard, –nicher*. Например, ... *seuls des jouets... ils les utilisaient quand ils étaient **jeunets*** [2, p.10].

Заслуживают отдельного внимания авторские неологизмы. Это вспомогательное средство в коммуникации, они используются в конкретной социальной среде (детской), получают коннотативную нагрузку в силу необычного звучания, тем самым рассматриваются как индивидуально-художественные приемы автора. Выделим несколько авторских приемов:

1. Игра слов: *Mais un jour, sa majesté **crapahuti, crapahuta**, sur les marches du palais, **tombi, tomba** et son nez droit, cassi, cassa... Le prince sangloti, sanglota... [3, p. 44], ... l’estomac plein **chanti, chanta** ses trois chansons en ajoutant une conclusion: l’honnêteté **payi, paya** et **patati et patata!** ... [3, p. 45].* Способ выражения насмешки над королевским пажем достигается не столько лексикой разговорного употребления (*crapahuter, patati et patata*), сколько ее необычным употреблением – звуковым образом (подражание детской речи).

2. Слова с переносным значением: *Le problème est, qu’un tel **charivari**, fit venir des déesses et des dieux... [2, p. 75].* Лексема *charivari* (в разговорной речи *brouhaha* – ‘гам, гвалт’) ассоциируется с *Charbovari*, то есть ‘Шарль Бовари’ (Г. Флобер «Мадам Бовари»). Шарль Бовари произносит свое имя Шарбовари, что вызывает взрыв смеха в классе.

3. Существительные, которые не являются экспрессивными, но воспринимаются таковыми лишь в сравнении с другими существительными: *Un bonhomme... pouvait-il avoir besoin d’une leçon donnée par un **enfançon**? [4, p. 18].* Например, *un enfançon* = *un garçon*.

4. Архаизмы. Иногда автор сохраняет архаизмы для соответствия историческому контексту: ... *il deviendrait page ou **damoiseau** dans un château voisin [2, p. 79].* Нет необходимости пояснять значение слова

damoiselle: в данном случае оно максимально приближено к знакомому понятию *demoiselle*. Этимология этого слова со значением ‘молодой человек, который не был еще рыцарем’ восходит к латинскому языку (*dominicellus* = *maître de maison*).

5. Дериваты. К дериватам мы относим слова с аффиксами, означаемое которых осознается, а форма имеет признак необычности: *On est prêt à danser le cercle **circassien*** [4, p. 24]; *Vous devez danser comme les gens du Caucase, accroupis en levant les jambes très haut* [4, p. 25]. Семантика прилагательного *circassien* ассоциируется с цирковым представлением.

6. Производные прилагательные: *Une **auguste** statue moderne apporterait un faste original à une grande cérémonie* [2, p. 38]. Такие слова осознаются как сопоставимые с посредством связи с эпохой Юлия Цезаря, в латинском языке – *Auguste*.

7. Фонетические слова. Они появляются по принципу «как слышим, так и пишем»: *Soudain, un coup de canon, un jet de vapeur, panache étincelant dans le soleil, lui assurèrent qu’au moins un gros **cétacé** était là* [2, p. 32].

Отличительный признак реальной сказки заключается в том, что она «статична»: в ней практически отсутствуют глаголы действия. Возможно, это обусловлено тем, что в них мы не находим героя, который совершал бы подвиг и перемещался бы во времени и пространстве: *Il faut savoir que dans ce pays, les générations **cohabitent**. Les épouses **prenaient** soin des personnes âgées qui **prodiguaient** de sages conseils, **amusaient** et **surveillaient** les enfants, si bien que la nation vide d’hommes, savaient n’abandonner personne* [4, p. 63]; *Le monarque, père du prince, au comble d’irritation **fit enfermer** les jeunes mariés dans un des pigeoniers...* [2, p. 10]; *Les nobles **riaient**, la reine **pleurait**, le roi **fulminait*** [2, p. 9].

Одной из особенностей сказок является фактор адресности. Автор ориентируется прежде всего на детей. Отношения с детьми могут протекать как в звуковой, так и в графической формах. Нами выделены следующие виды отношений в диалогической речи: лицо – лицо («À la griaude, la galette!»), не лицо – не лицо («Le bonhomme-feuille et le bonhomme-caillou»), лицо – не лицо («L’enfant et les fossiles»).

Слушатель сказки – это ребенок. Ребенок может не выговаривать слова либо иметь проблемы с дикцией: *Il a pris mon gant, **le voiseau!** – Quel oiseau? – Il est **pari!** Il est pari là-haut, le voiseau! – Ah! Il est parti l’oiseau!* Детская речь изобилует вопросами (*les pourquoi, les combien, les quand*), характерными для любознательного ребенка. Вербальная коммуникация с ребенком подстраивается под него. Речь взрослого упрощается, высказывания выстраиваются в линейной последовательности, аргументируются, прерывается паузами: *C’est un voleur ... D’où tient-il*

cette montre de luxe qu'il porte au poignet? Et cette jolie cravate de soie? En cette chevalière? Et chaîne en or? C'est louche. Il a tout volé. Pour sûr, il a tout volé [4, p. 28]; *Les enfants ne comprenaient pas...les adultes non plus... mais tous s'émerveillaient...* [5, p. 39]. Взрослый человек моделирует свою речь так, чтобы донести до детей нормы поведения: *Il (le berger) nous a dit ce que la nature ne nous a pas donné, il faut se débrouiller pour le fabriquer et que tous les problèmes ont plusieurs solutions* [3, p. 29]; *La visite s'achevait; on allait déjeuner. Évidemment, on ne boirait pas comme Messire Robert dans un corne de vache, on ne mangerait pas sur des tranchoirs et surtout pas avec nos doigts, la bonne éducation faisant foi !* [2, p. 88].

Спонтанный характер беседы, установка на лаконизм, экономия речевых средств и максимальная экспрессия обуславливают использование прямого порядка слов в предложениях даже в тех случаях, когда нормативная грамматика требует инверсии (*Et tu as trouvé quoi d'autre* [4, p. 29]); опущения слов (*Y a qu'à lui poser la question* [4, p. 28]).

Предложения в сказке разнообразны по составу: номинативные (*Nous sommes savants!, Je suis Apothicaire!* [2, p. 41]) ; неполные предложения в независимой позиции (*Le loup saisit et secoua une pierre enneigée. – Pas assez lisse !* [4, p. 41]); эллиптические (*J'attends toujours. – Des quoi?!* [4, p. 30] ; *Mais qui les achètera? – Des sultans, des tsars...* [2, p. 60]); коммуникативные (звукоподражательные междометия: *Ah!, Penh!, Oh!, Oh la!, Eh! Ben!*; эмотивные междометия: *Eh bien! Bravo! Entendu! Bon! Quel bonheur! Quelle femme!*; экспрессивные модальные обороты: *À quoi bon ?*).

В монологических текстах адресантом является автор, который создает ситуации, приближенные к реальным. Его присутствие ощущается всегда в виде комментариев, словесной игры. Для реализации своей цели (внести пояснения, аргументацию и т.д.) автор использует сложноподчиненные предложения (относительные, дополнительные, временные и т.д.). Следует отметить склонность автора к использованию зависимых синтаксических конструкций, характерных для художественного и публицистического текстов. Такая тенденция нацелена не только и не столько на передачу информации, сколько на усиление ее действенности: *Le soir venu, il ne put échapper à la question* [2, p. 55]; *Après avoir réinvesti leurs montagnes et leurs demeures, les dieux se remirent aussitôt à l'oeuvre, en réalisant ce à quoi ils sont destinés* [2, p. 68]; *Très affaibli, il se hissa péniblement hors de sa demeure, emportant avec lui, un canif bien tranchant* [3, p. 55]; *En s'intéressant à chacune d'elles, l'angoisse était née* [4, p. 18].

Несомненный интерес представляют поговорки, в которых заключена народная мудрость, жизненный опыт. Их использование в тексте обусловлено наличием определенной ситуации: *Qui va à la chasse, perd sa*

place [2, p. 52]; *Nul n'échappe à son destin* [2, p. 68]; *Un malheur n'arrive jamais seul* [4, p. 61]; *Chose promise, chose due* [4, p. 38]; *Il y a toujours une solution pour vibrer à l'unisson* [2, p. 45]. Употребление паремий в сказках свидетельствует, на наш взгляд, о желании автора произвести прагматический эффект (нравоучительное воздействие) на слушателя, так как в паремиях заложены нормы поведения, стереотипы, жизненные явления, характерные для социума.

Обращает на себя внимание большое количество повествовательных предложений с восклицательным знаком как в монологической, так и диалогической речи: *La réponse fut suprenante!* [2, p. 25]; *Ce sont les doigts qu'elle tâte depuis qu'elle était bébé!* [2, p. 17]; *Mais, c'est ce que je suis en train de jouer!* [3, p. 60]; *Vous êtes de bons petits garçons!* [4, p. 38]. Так автор хочет привлечь внимание к звуковой форме сказки. Эмоционально-экспрессивная функция интонации нацелена на выражение чувств, смысловых оттенков, связанных с ситуацией.

Наряду с интонацией в указанной функции используются сегментированные конструкции. В обособленный сегмент могут быть вынесены подлежащее, предикатив, дополнение, обстоятельства: *C'est elle qui a installé cela ici, j'en suis sûr* [3, p. 33]; *Reine, elle serait* [3, p. 63]; *Soulagés mais affamés, les dieux se firent une raison...* [2, p. 68]; *Le chapeau, la ceinture, l'écharpe, la canne pliante ... je les ai ramassés!* [3, p. 30]; *C'est à moi que tu parles?* [4, p. 40]; *Avec franchise, il répondit* [2, p. 55]; *Comme pour narguer, il en restait sur deux branches seulement bien alignées...* [4, p. 32].

Наиболее распространенная модель – сегмент в препозиции. Поскольку автор ориентируется на детей, сегментация является существенным способом для облегчения понимания содержания.

Нельзя не упомянуть о роли артикля для выражения стилевых особенностей авторской мысли: *Il fit protéger le mur d'enceinte du château en choisissant des plantes, lianes, ronces, ajoncs, orties, figuiers de Barbarie et d'autres cactées, dont les branches, les feuilles, les glochides, les épines, les fleurs, les fruits... griffaient, piquaient...* [2, p. 13]. Существительные находятся в гиперо-гипонимических отношениях. Контрастное наличие / отсутствие артикля в данном контексте используется автором для усиления наглядности. Композиционным центром является слово *des plantes* с неопределенным артиклем, что свидетельствует о появлении нового, неожиданного. Употребление определенного артикля придает оттенок статичности, созерцательности природного явления. Опускание артикля часто используется в языке художественной литературы для создания архаического колорита. Этим же приемом пользуется автор для

придания повествованию оттенка разговорной непринужденности, создавая иллюзию непрерывности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная сказка — это вымышленное повествование о реалиях действительности, основанное на личном жизненном опыте автора. Сказки адресованы детям и взрослым. Язык современной сказки обусловлен авторским стилем. Важным остается сравнительный аспект. Несмотря на все изменения, которые претерпевает сказка в современных условиях, она остается интересной и оригинальной.

Библиографические ссылки

1. Пропп В. Я. Русская сказка. М. : Лабиринт, 2000.
2. Piat-Bonnet M. Il était une fois des princesses... . Mozyr, 2012.
3. Traditionnelle ou classique, les deux sont «Musique». Nice : Benevent, 2006.
4. Piat-Bonnet M. Contes du froid et de Noël. Nice : Benevent, 2004.